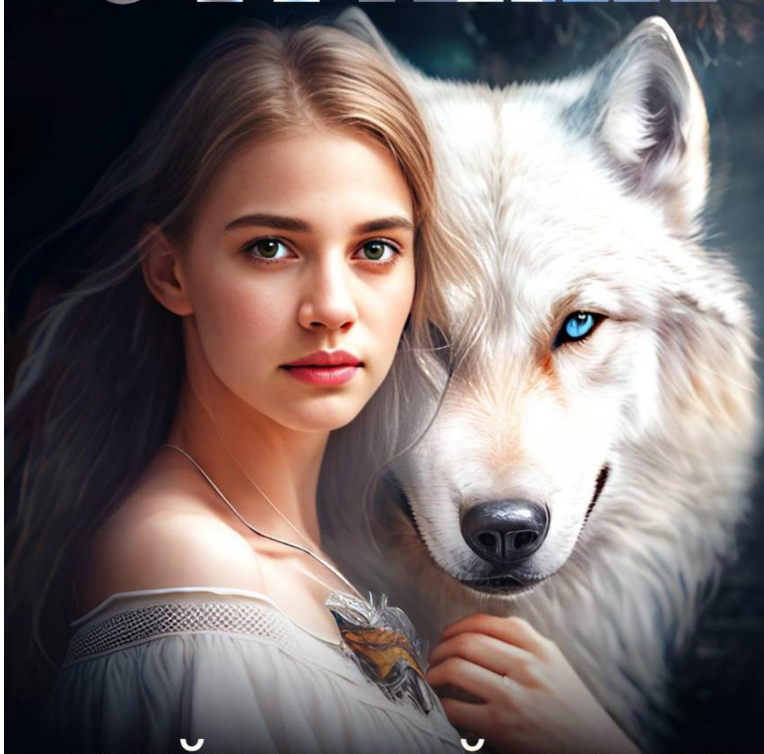

Эльвира Смелик

СТРАЖИ

МОЙ ВЕРНЫЙ СТРАЖ

Эльвира Смелик
Мой верный страж
Серия «Стражи», книга 1

<https://litres.ru/63713876>

SelfPub; 2026

Аннотация

В том, что магия существует, Алика не сомневалась никогда, хотя причины этой уверенности ей долгое время приходилось хранить в тайне. Но, как говорят, от судьбы не уйдешь, и та щедро рассыпает особые знаки: тревожит странными видениями, превращает знакомый двор в ловушку без выхода, пугает призраком на заброшенном кладбище. И ни за что не угадать заранее, чем может закончиться обычное летнее путешествие в веселой компании и куда заведёт лесная тропинка во время ночной грозы. А ещё сложнее - разобрать, какие секреты прячут от тебя окружающие. Кто они? И, главное - кто ты сама?

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Часть 1. СПЛОШНЫЕ ЗАГАДКИ	7
Глава 1. Мания преследования	7
Глава 2. Персонаж второго плана	17
Глава 3. В плену пространства	31
Глава 4. Нулевая кривизна	42
Глава 5. Безликий	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мой верный страж

Глава

Пролог

Замок возникал перед путниками внезапно. Его можно было увидеть только с ближайших холмов или выйдя из лесной чащи где-нибудь возле сторожевой башни.

Он скромно прятался в низине, окружённый широким пространством зелёной лужайки, связанный с остальным миром лишь узкой полосой единственной дороги, которая начиналась от закрытых ворот и, кажется, тоже более всего предпочитала скрытность. Потому что через несколько десятков метров от замка она торопливо ныряла в лес, чтобы спрятаться от чужих глаз под густыми кронами деревьев.

Правда, имелась ещё дорожка поменьше. Выложенная каменными плитами, она тянулась от высокого крыльца к арке в сторожевой башне.

Обычно здесь царила мирная тишина, лишь изредка нарушаемая людскими голосами, но сегодня...

Не просто голоса – крики, наполненные ненавистью или отчаянием, стоны боли. Белые стены содрогались от взрывов. Но в этой битве использовали не пушки и снаряды. Здесь в ход шли боевые заклинания, магические манипуляции, способности, о которых в обычной жизни предпочитали молчать.

Сражение кипело с неистовой яростью, и в его гуще метался огромный белый зверь. Налетал на врагов, сбивал с

ног, расшвыривал в стороны. Густой мех на морде давно окрасился алым, но сам пёс, казалось, оставался неуязвимым.

Лишь на мгновение он отвлёкся, когда из дверей замка выскочил, врезавшись в толпу, ещё один белый зверь, намного меньше.

Большой пёс сердито зарычал, вздыбив шерсть на загривке. И тут же перед его носом что-то взорвалось, ослепив и оглушив на секунду. Но он быстро пришёл в себя и ринулся в ту сторону, где в толпе дерущихся мелькала белая лохматая спина.

Часть 1. СПЛОШНЫЕ ЗАГАДКИ

Глава 1. Мания преследования

Большая стеклянная витрина хорошо отражала проходящих мимо людей, а ещё двух девушек, стоящих перед ней. На вид – почти ровесниц. Школьные пиджаки и светлые блузки, объёмистые сумки в руках. Сразу ясно, что старшеклассницы, которые возвращались из школы и неожиданно притормозили возле магазина.

– И чего нам тут надо? – поинтересовалась Алика, со скучающим видом уставившись на витрину.

Милка, внимательно разглядывающая отражения в стекле, слегка смутилась, даже щёки чуть-чуть порозовели.

Ну совсем как ребёнок! А на самом деле ей пятнадцать. Алика на два года старше, но иногда кажется, минимум на десять. Её так и тянет посмотреть на подружку свысока, снисходительно и покровительственно. С вершины собственной мудрости и жизненного опыта.

Самой смешно.

Милка сжала губы, смущённо отвела взгляд и наконец произнесла, запинаясь и делая ненужные паузы:

– Ты только не смейся... ладно? И не говори, что это... у меня крыша едет. Но мне кажется... в последнее время...

иногда, или нет, частенько... что за мной, ну... кто-то наблюдает.

– В смысле? – У Алики удивлённо округлились глаза. – С чего ты взяла?

Подруга шумно вздохнула.

– Иногда бывает, знаешь. Как бы объяснить? – Она посмотрела под ноги, будто надеялась, что кто-то написал на асфальте нужные ей фразы. – Вот представь, что где-то поблизости стоит неприятный тебе человек. Станный и даже немного страшный. Не то чтобы рядом-рядом. На расстоянии, но небольшом. Хотя и не заговаривает, и даже вроде на тебя вовсе внимания не обращает. Но сто процентов, что, когда ты не видишь, он всё-таки на тебя поглядывает.

Милка подняла голову, опять повернулась к витрине. Румянец с её щёк мгновенно исчез, и она прошептала тревожно.

– Ну вот, опять. Смотри.

– Куда? – Алика хоть и спросила, но уже сама догадалась, уставилась в стекло. Взгляд примагнитился и больше не мог оторваться, зацепился прочно за тёмный силуэт. Словно тень в глубине окна.

Люди проходят мимо, даже головы не повернут в сторону магазина. А он неподвижен и не совсем реален. Стоит лицом к ним, но ничего не разглядеть. Как будто отражение отражения. И от этого не по себе.

– Ты тоже его видишь? – выдохнула Милка свистящим

шёпотом. – Ведь видишь? Видишь?

Алика не ответила. Хотела развернуться и посмотреть, что же там такое за спиной. Или кто? Если он действительно существует. Но Милка резко схватила её за руку и рванула в сторону.

– Мил!

В двух шагах остановка. Как раз автобус подъехал, насмешливо фыркнул, распахнул двери. И Алика чуть в него ни влетела, прямо носом. Потому что Милка заскочила на подножку, по-прежнему волоча её за собой.

– Мил, ты чего?

– Не знаю, – подруга и сама была в замешательстве, не ожидала от себя столь стремительной шпионской реакции. – Но ты же видела. Кто-то стоял позади нас.

– И что? Человек остановился взглянуть на витрину. Может, присмотрел чего? – Алика пыталась мыслить разумно и рассудительно, но странный силуэт, увиденный в стекле, и её почему-то смущал. Ну и пугал немножко, да.

– Не остановился, – уверенно возразила Милка. – На самом деле не было там никого. Я уже пробовала оборачиваться, и пусто. А в стекле отражалось. Только не говори, что он успел уйти, пока я головой вертела. И сны эти...

– Какие сны?

– Примерно то же самое, о чём я уже рассказывала. – Милка умолкла на несколько секунд, то ли вспоминая, то ли собираясь с мыслями. – Сижу я, например, или лежу. Ну,

снится мне такое. И вдруг кто-то подходит, смотрит на меня внимательно-внимательно. Как будто картину разглядывает. Или экспонат в музее. И спрашивает.

– О чём?

Вот и опять остановка. Теперь уже Алика взяла подружку за руку, вывела из автобуса. Они из-за этой мании преследования, между прочим, уехали в противоположную от дома сторону.

Вот зачем Милке в автобус заскакивать понадобилось? Детективных сериалов насмотрелась? «Как успешно уйти от слежки»...

Милка виновато потупилась:

– Не помню точно. Когда он на меня смотрит, я вообще плохо соображаю.

Алика заинтересованно встрепенулась.

– Кто он-то?

– Человек какой-то. Вроде бы, – раздосадованная смутностью собственных толкований, Милка насупилась. – Это ведь сны. Они быстро забываются. Особенно подробности. А когда просыпаюсь, но глаза ещё не открыла, кажется, что кто-то на самом деле стоит рядом, наклонился надо мной. Знаешь, как жутко? И страшно. Даже когда глаза всё-таки открою и точно вижу, что никого рядом нет. Думаю, вдруг он спрятаться успел, пока я проморгалась. Я даже один раз встала, свет включила и всю комнату облазила. И в шкафу, и под кроватью смотрела.

– Ну и нашла?

– Нет, конечно! – Милка всё-таки по-настоящему расстроилась, с упрёком глянула на Алику. – Я ведь просила не смеяться.

– Да я и не смеялась, – со всей возможной убедительностью в голосе и очень честными глазами заверила Алика. – Я просто не знаю, что сказать. Такое, по-моему, со многими случается, когда спросонья мерещится, будто в комнате кроме тебя кто-то есть. Один из типичных ночных кошмаров.

На Милкином лице появилось разочарованное выражение. Объяснения подруги прозвучали излишне прагматично и буднично, отчасти развеяли сверхъестественность и необычность происходящего.

– У тебя период сейчас такой. Очень волнительный. Переживаний много. Экзамены скоро. И... – многозначительная пауза получилась у Алики случайно: – Дима.

– У тебя же тоже скоро экзамены! – Милка трепетно исключила тему с названием «Дима». – Ещё и важнее. Для поступления. Но тебе ведь ничего странного не мерещится. – Последняя фраза прозвучала наполовину утверждением, наполовину вопросом. А ещё в ней пряталась капелька надежды на то, что Алика так же понемногу сходит с ума перед ответственным мероприятием. – Похоже, что ты вообще из-за ЕГЭ не переживаешь. Спокойная, как удав.

– А чего мне переживать? – Алика представила, как она длинная, гибкая и чешуйчатая неподвижно лежит на нагрет-

тых солнцем камнях и взирает на мир невозмутимым немигающим взглядом. – Я никуда поступать не собираюсь. А уж русский и математику всяко сдам. Я же не дура.

– Не собираешься поступать? – искренне изумилась Милка. – А что тогда?

– Работать пойду, – невозмутимо выложила Алика. – Куда-нибудь. Можно в магазин. Можно в кафе. Да мне, если честно, без разницы. А там посмотрим.

Подруга изумилась ещё больше.

– А твои родители? Они не возражают?

Алика спрятала усмешку в уголках губ.

– Чего им возражать? Моя же жизнь. А поступить можно и потом. Если понадобится.

Последняя фраза – ключевая. Потому что понадобится вряд ли. Не обучают в обычных университетах тому, в чём досконально хочет разбираться Алика. Но Милка обращает внимание на другое.

– Повезло тебе с родителями. Они на тебя авторитетом не давят. А мои даже варианты не рассматривают. Только высшее образование. Ещё и список вузов заранее подготовили. Типа они за меня всё не решают, а самой предоставляют выбор. А твои – классные – не лезут. Их и не видно почти, так много работают.

Алика кивнула в подтверждение.

«Не видно почти» её родителей – это точно. Они лишь изредка попадают на глаза соседям по пути на работу или

с работы. Поздороваются коротко и скроются за дверями квартиры. Не все люди любят подолгу болтать с шапочными знакомыми и обсуждать свои семейные дела с каждым встречным.

– Тебе доверяют, – протянула Милка с нескрываемой завистью. – А меня пасут бесконечно, как овцу неразумную. – Внезапно она подскочила на месте, осенённая догадкой. – А, может, это они за мной следят? Чтобы я перед экзаменами ничего такого не натворила.

Алика глянула осуждающе.

– Не выдумывай. Не станут твои родители за тобой следить. Что за глупости? Да ты и сама об этом прекрасно знаешь. А уж тем более по ночам забираться в твою комнату и пялиться на тебя спящую.

– Ну да, – послушно согласилась Милка и завела по новой: – Думаешь, это у меня правда маразм от переживаний?

Пока болтали, девушки незаметно дотопали до дома, поднялись на нужный этаж, и Алика уже на автомате не повернула в сторону собственной двери, а прошла прямо за подругой. И от ответа на провокационный вопрос её удачно избавили.

Не успели войти в квартиру, в прихожей появилась Милкина мама, воскликнула бодренько:

– Ой, как же вы вовремя! Всё уже готово! Алика, ты с нами есть будешь?

Обычно Алика не отказывалась, и Милкина мама спра-

шивала скорее для проформы. Она уже и порцию для Алики заранее рассчитывала. Милка постоянно старшую подругу к себе зазывала.

Хотя девчонок кругом всегда хватало – и во дворе, и в классе, – Милка словно заиклилась на соседке. Может, потому, что очень удобно: жили друг от друга в двух шагах, квартиры располагались на одной лестничной площадке. И два года разницы – сушья ерунда. Чем дальше, тем незаметнее. К тому же: вдруг Милка специально искала для себя подругу постарше, поразумней, посерьёзней? И родители остались вполне довольны её выбором. Они уже давно воспринимали Алику почти как члена семьи.

– С нами, с нами, – донёсся из глубины квартиры насмешливый мужской голос, опередив с ответом Алику, которая ещё и рта не успела раскрыть.

Это не Милкин папа. У того сегодня как раз очередная смена на полные сутки. Это Милкин старший брат.

Он такой же золотоволосый и голубоглазый, как сестра. Мог бы играть роль скандинавского бога Тора, если бы отрастил волосы подлиннее, накачал показательно рельефные мышцы и раздобыл молоточек поувесистей. А в нынешнем виде он вполне потянет на легендарного тёзку, вождя бриттов. Правда, обычно на роль короля подбирают более брюнетистых актёров.

Услышав ироничное Артурово восклицание, Алика сначала захотела возразить: «Нет. Спасибо. Я дома поем». Ис-

ключительно из чувства противоречия. Но потом решила: дома придётся готовить самой, а тут так и так на неё порция уже заранее рассчитана. И как поварихе Алике до Милкиной мамы – словно через Тихий океан на одноместной вёсельной лодке, грести и грести.

Расселись за обеденным столом – круглым, между прочим. В разложенном виде – овальном. У Алики здесь своё законное место: между Милкой и её мамой, почти ровно напротив Артура. И тарелки уже почти опустели, когда тот проговорил с интонациями, якобы «ничего значительного»:

– Кстати, Алик, – он часто произносил Аликино имя на такой вот мальчишеский манер: то ли дразнил, то ли намекал на своё истинное к ней отношение. – Встретил на лестнице твою маму. Она тоже уже домой пришла.

Алика стрельнула в Артура обиженным колючим взглядом.

– И чего ты раньше не сказал?

Милкин брат улыбнулся с ехидцей.

– Да я уже настолько привык, что ты у нас постоянно стоуешься. Мне теперь без твоего прекрасного личика напротив и милого щебетанья и кусок в горло не лезет.

Алика хмыкнула.

– Ну и что? Поголодаешь немножко. Очистишь организм. Мозги. Может, мысли достойные появятся.

Артур скорчил трагическую физиономию, обратился к матери, едва сдерживая жалобную дрожь в голосе:

– Мам, наша бесконечно мудрая Алика считает меня глупым. Как жить дальше?

– Да ладно, не переживай. Чем меньше мыслей, тем больше счастья. – успокоила парня Алика, поднялась с места, подхватила свои тарелку и вилку, направилась к мойке.

Мудрая – так мудрая. Ещё и воспитанная.

– Тётя Таня, спасибо! Всё как всегда очень вкусно. Ну я пойду. – Просигналила Артуру многозначительным взглядом искоса, вскинув брови, махнула ручкой Милке. – До свидания!

Поймала вполоборота ответные «пока», «счастливо» и «до завтрашнего ужина».

Глава 2. Персонаж второго плана

Дома Алика сразу прошла в свою комнату. Заходить в другую – никакого смысла. Но Алика и не жаловалась. Как она недавно говорила Милке: «Моя жизнь – мой выбор!». Сама так решила, и возражений не приняла. Да ей не особо и возражали.

В комнате нет никого, кроме навязчивых существ, никогда не позволяющих полностью насладиться тишиной и одиночеством. В подобной обстановке они, наоборот, обретают огромную силу. Это мысли.

Усложняются, сплетаются, разрастаются во вселенское дерево, которое уходит корнями далеко вглубь, а ветвями пронзает бесконечную высоту, тянется, тянется, тянется. Одни ветки такие миленькие, покрыты нежными зелёными листиками и яркими цветочками, другие – ещё в нераскрывшихся почках смутных предположений и ожиданий, третьи – изломанные, корявые, мрачные.

Да ну их!

Алика засела за уроки, но до конца учебного года осталось всего полторы недели и почти ничего не задали. Тогда она скачала парочку пробных экзаменационных вариантов по математике, собралась порешать.

ЕГЭ она сдаст собственными силами, без всяких там вспомогательных средств. Вопрос чести и самоуважения.

Тем более с математикой у Алики всё отлично. Особенно с геометрией. Да и с русским – ноль проблем.

В школе тоже удивились, что она ограничилась только обязательными предметами, охали-ахали: «Такая способная девочка, а без будущего!». Прорабатывали, уговаривали, вызывали маму и еще больше удивились, когда и та произнесла в ответ на все разумные доводы: «Это её жизнь и её выбор. Разве правильно поступать в вуз только потому, что так положено и вроде бы выгодно для дальнейшей жизни, хотя точно ещё не знаешь, чем бы хотел заниматься? Ей всего семнадцать. Она имеет право сомневаться и искать себя».

Только найдёт ли? Хоть когда-нибудь.

«Способная, а без будущего» – в самую точку. Не догадываясь об истинной сути, но так правдиво.

У Алики даже в мелочах не складывается.

Она отодвинула тетрадь с недоделанным уравнением. Сдалась. Не математике, а мыслям.

Радуйтесь, растите. Этой ветке тоже разрешается – надломленной, с надписью на одиноко трепещущем пожухлом листочке «Дима».

Да-да, тот самый, о котором одновременно хотела и боялась говорить Милка.

Вообще-то Алику с ним гораздо больше всего связывало. Она два года учились в одном классе, и именно с ним с первым она познакомилась в новой школе.

На медосмотр перед началом учебного года со своими од-

ноклассниками Алика не попала – не знала, что тут так заведено. Или знала, но забыла, потому что когда приносила документы, пропустила мимо ушей. А потом ей позвонила классный руководитель, справилась, почему Алика не явилась, и велела подходить тридцать первого – в день, выделенный специально для всех опоздавших.

Алика подошла, и прямо в дверях школы столкнулась с парнем. Ещё даже не успела разглядеть его толком, а он уже сам спросил:

– Тоже на медосмотр?

– Угу, – кивнула Алика.

Парень скользнул по ней взглядом, оценивающим, но совсем не обидным, и сразу объяснил свой досужий интерес:

– А я тебя раньше никогда не видел. Ты что, новенькая?

Алика выдала второе скромное короткое «угу». Не потому что робела или под впечатлением от случайной, но приятной встречи частично лишилась дара речи. Просто привыкла с незнакомыми людьми вести себя настороженно и немногословно.

– И в каком классе будешь?

– В десятом «А».

– Серьёзно? – парень улыбнулся. – Я там же.

И сразу представился. Им же в любом случае знакомиться.

Его звали Дима. Если бы Алика тогда не столкнулась с ним один на один, возможно, позже и внимания бы на него

совсем не обратила. Он обыкновенный: стройный, худощавый, симпатичный. Глаза серые, волосы русые. Достаточно умный, общительный, в меру юморной. Ничего выдающегося, но Алика впечатлилась. Потому что в сердце было вакантно место особенного мальчика, и Дима его занял. По праву первого встречного.

Какой-то запредельной страстью Алика не воспылала, попыток перевести быстро сложившиеся приятельские отношения в более значимые сама не предпринимала. А от Димы – ну, наверное, ждала всё-таки. Весь десятый класс и почти весь одиннадцатый. Поэтому и разволновалась до вспотевших ладоней, когда он произнёс, непривычно смущаясь:

– Слушай, Алика, у меня к тебе разговор.

Раньше он не спрашивал у неё разрешения, сразу начинал трепать. Вот Алика и поняла сразу, что предстоит нечто исключительное, и для полного комплекта к вспотевшим ладоням едва не зарделась стыдливым румянцем.

Дима собирается ей признаться! Почему бы и нет?

Кстати, она угадала. Дима действительно признался. И это происходило именно так, как Алика иногда представляла в своих глупых, наивных фантазиях.

Голос взволнованно дрожал, во взгляде нежность и надежда, потому что от Аликиного ответа зависело вся его дальнейшая судьба.

Ну, типа того.

– Понимаешь...

Алика кивнула ободряюще. Неизвестно кому точно: себе или Диме. Волновалась она ничуть не меньше.

– Ты...

«Я, – захотелось повторить Алике и самой проговорить так и пылающую перед мысленным взором фразу: – тебе очень нравлюсь». Но Дима неожиданно исправил:

– Вы... ведь с Милой... Гордеенко... лучшие подруги?

Это-то здесь причём?

– Ты...

Ага! Вернулись на путь истинный.

Алика ещё больше прониклась и разволновалась, а Дима собрал волю в кулак и выдал на одном дыхании:

– Как думаешь, она согласится со мной встречаться?

Дальше...

Дальше настоящая Алика отключилась, можно считать, удалилась в параллельный мир рыдать над осколками безжалостно разбитых надежд, а на первый план вышло её «другое я», какое-то особо жизнестойкое, непробиваемое и вообще роботообразное.

– Ну, не знаю, – бесцветно протянула она. – Мы о тебе в таком смысле никогда не разговаривали.

Дима слегка сник, предположил, конечно, что Милка его как парня вовсе не рассматривала. Но роботообразная Алика даже не ухмыльнулась мстительно в душе. Чего уж там!

– Но, если хочешь, я у Милки спрошу.

Она даже не задумывалась, как Алика-настоящая бу-

дет выпытывать у единственной подруги, собирается ли та встречаться с парнем, с которым Алика не отказалась бы встречаться сама. Железяка бесчувственная. И Дима ничего не заметил, согласился. А ведь Алика, между прочим, запросто могла ничего не говорить Милке, а Димочке потом доложить с сочувственными вздохами, мол ни фига он Гордеенко не нужен, так что – отвали и больше с идиотскими предложениями не лезь. Наверное, некоторые бы так и поступили, даже особо совестью не мучаясь, по принципу: «Милка мне подруга, но понравившийся мальчик дороже». Однако доблестная Алика сделала всё честно, как и обещала.

Надежда хоть и лежала в руинах, но полностью исчезать с лица земли не планировала. Слабо, но трепыхалась. А вдруг Милка действительно не интересуется Димой, ей нравится кто-нибудь другой. Ведь в школе мальчиков-старшеклассников завались.

Глупая надежда. Милка, того не подозревая, безжалостно добила её, хотя и позитивным способом – заулыбалась во весь рот, расцвела от счастья.

Алика исполнила свой купидонский долг, соединила любящие сердца. И сил не хватило обижаться на Милку и в чём-то её винить. Ведь Алика ни капли не сомневалась: если бы подруга знала о её чувствах к однокласснику, даже если бы любила безмерно, всё равно ответила бы ему «нет». Ради Алики. Вот такая Милка глупая, благородная и добрая.

Но в чём Алика не отказала себе при исполнении достав-

шейся ей романтической миссии, так это осуждающе выговорить Диме:

– Ну ты и время выбрал. Не о том вам сейчас думать надо. У неё экзамены, у тебя тоже. Подождал бы полтора месяца.

На что Дима ответил, улыбнувшись:

– Гаврилова, не бухти. А то ты прям как старая тётушка. Или наша классуха. Такая же правильная и рассудительная.

Да-да, Алика такая: правильная и одинокая. Гордо одинокая.

Вот и с Артуром – глазки строят, флиртуют и постоянно подкалывают друг друга. Но это несерьёзно. Потому что Алика для него где-то на уровне Милки – младшей сестры. Для игры подойдёт в качестве партнёра, для настоящих отношений – мелковатая и какая-то чересчур родная.

Такие вот дурацкие мысли. И неудивительно, что ночью приснилось то, что приснилось. Ни много ни мало, а принц на белом коне. Самый настоящий, отправившийся вызволять прекрасную принцессу из чьего-то коварного плена.

Чересчур какой-то реалистичный сон: яркий, логичный, объёмный. Словно Алика не спала, а 3D кино смотрела на большом экране. Про саму себя в чужом исполнении. Знала – это она, хоть и не похожая внешне. Да и принц – вовсе не Артур, но потрясающе красивый, стопроцентный. Мечта.

Первый сон Алики

«Казалось, они ехали уже бесконечное количество дней, и с каждым часом дорога становилась всё труднее. Сначала

– ровное поле, растянувшееся до самого горизонта, цветущее, зелёно-пёстрое. И кони легко летели по нему, не сбавляя темпа. Потом – лес. С тонкими извилистыми тропинками, с упругими толстыми ветками, норовившими непременно зацепить всадника и выкинуть его из седла, с непроходимыми буреломами и коварными оврагами, прячущимися за густыми зарослями кустов. А теперь – что-то уж совсем невозможное – горы. Путь не просто вперёд, а ещё и вверх. Поэтому приходилось спешиваться и вести коней на поводу, а то и тянуть за собой, словно глупых ишаков.

Ноги гудят, мышцы ломит, пот застилает глаза. Но разве такая ерунда способна остановить принца, который безудержно стремится к подвигу во имя любви, к собственной судьбе – в лице будущей супруги, продолжательницы королевского рода и спутницы на всю оставшуюся жизнь.

Прекрасный лик, гордая осанка, чуть надменный и дерзкий взор, устремлённый исключительно в перспективу – никто бы никогда не засомневался в его царственном происхождении. И то, как стойко и безропотно переносил принц все испытания и невзгоды, обрушенные на него трудной дорогой, только прибавляло ему чести и уважения. Зато его оруженосец недовольно бухтел, почти не переставая.

– Ну вот куда, куда мы тащимся? Чем не подходили принцессы, живущие поблизости, которых не надо ниоткуда вызывать? И ещё не факт, что выглядит она именно так, как о ней рассказывают. Нет ничего более обманчивого, чем слу-

хи. На самом деле всё может быть, вплоть до наоборот. И эта принцесса окажется жутким чучелом. Что вы станете делать тогда, Ваше Высочество?

Принц обернулся, свысока посмотрел на спутника. Как раз и горная тропинка шла вверх, а принц ехал первым. Отвечать он ничего не стал. Пристало ли принцу реагировать на досадливое ворчание слуги? Да он даже бровью не повёл, хотя очень хотелось сердито процедить сквозь сомкнутые изящно очерченные губы: «Достал!».

Несдержанный на язык оруженосец, оседлав любимого конька (вот ведь талант у человека – сидеть сразу на двух лошадях!), воодушевлённо бухтел дальше:

– У меня уже не зад, а сплошная мозоль. Не всякая стрела пробьёт. С одной стороны, конечно, хорошо – такая экономия на запчастях для доспехов. Но вот если чисто визуально подходить, вид, наверняка, не слишком эстетичный. Вдруг девушкам не понравится. А всё ради чего? Какой-то призрачной мечты. А если она и вовсе не существует? Классическая сказочка. Народное творчество, так сказать. Что тогда? А, Ваше Высочество?

Если бы он просто тихонько стонал себе под нос, можно было бы перетерпеть, но этот зануда непременно вставлял в свой монолог скабрзные шуточки. Пошляк. И каждую тираду заканчивал обращением, специально повышая голос. Но у принца хватало силы воли, чтобы и тут оставаться выше. Тем более тропинка по-прежнему шла вверх.

Путники преодолели очередной перевал и сразу же среди мрачных уродливых скал увидели её – цель своего долгого и тяжёлого путешествия. Высокую замковую башню, строгое, правильное творение рук человеческих меж хаотичных нагромождений матушки-природы. Общеизвестное место томления самых прекрасных в мире принцесс.

– Ну слава богу! – возведя очи к небу, с невероятным облегчением выдохнул оруженосец, пришпорил уставшего коня и припустил к наконец-то обрисовавшемуся месту назначения. Но принц не позволил себя обогнать.

Не хватало ещё!

По мере приближения башня росла и росла. Казалось, ещё немножко – и она проткнёт облака и зацепит плывущее в вышине солнце. Даже добротный, но весьма приземистый замок таинственного и явно отрицательного по всем параметрам похитителя, рядом с ней смотрелся скромно и мелко.

Оруженосец запрокинул голову, надеясь разглядеть самое верхнее окошко, но едва не рухнул с коня. Крепко ухватившись за луку седла, он красноречиво констатировал:

– Теперь я понимаю, почему все украденные принцессы предпочитают безвыходно сидеть в таких башнях. Здесь им точно ничего не угрожает. Пока доберёшься до верха, ой, уже ни до чего будет. Если вообще копыта не отбросишь на предпоследней ступеньке.

Оба путника спешили.

– Интересно, а где тут вход? – оруженосец не мог молчать

дольше минуты и все свои мысли обязательно озвучивал. – Неужели внутри замка?

Возможно, внутри был вход, но и снаружи он имелся. Только с другой стороны башни.

Несколько широких каменных ступеней вели к мощной, окованной железом двери. И на одной из них сидела девушка. Очень даже ничего такая.

Путники заинтересованно уставились на неё.

– Вот это да! – оруженосец даже присвистнул восхищённо. – Минимум забот. Даже подниматься не придётся.

А принц вежливо уточнил:

– Кто вы, красавица? Принцесса?

Голос у него был бархатен и певуч.

– Ах! – с чувством воскликнула девушка и смущенно зарумянилась. – Как бы хотела я быть принцессой! Но судьба ко мне не столь благосклонна. Я всего лишь её компаньонка. Ведь принцессы такие нежные создания. Им нельзя самим одеваться, причёсываться, а уж тем более прибираться в покоех. Это вредно для их утончённой красоты и здоровья.

Она вздохнула и с явным сожалением отвела взгляд от принца – понятно ведь, не её поля ягодка. Но принц не сводил с девушки задумчивых глаз. Поэтому оруженосцу пришлось громко кашлянуть для привлечения внимания и напомнить:

– Ваше Высочество, сосредоточитесь! Принцесса! Вон дверь, а за ней томится ВАША избранница. Все промежу-

точные расстояния пока не будем принимать во внимание. Но надо заполучить ключ. Дверь ведь на ключ заперта? – уточнил он у девушки.

Та согласно кивнула, а оруженосец поскрёб в затылке и поинтересовался:

– А ты, компаньонка, почему не в башне со своей принцессой?

Девушка кокетливо дёрнула бровью.

– Я выходила. По делам.

Оруженосец кривовато ухмыльнулся, открыл было рот, но его опередил принц.

– А как ты собираешься войти? – спросил он ласково, и девушка улыбнулась.

– Кто-нибудь из стражников появится и откроет.

– Так, значит, ключ у стражи?

– Обычно да, – кротко выдохнула девушка и указала рукой куда-то за спину путешественников. – Вы у них сами спросите. Вон они вывалили из ворот. Человек тридцать. Кто-нибудь да ответит.

Принц и оруженосец разом вздрогнули, торопливо обернулись. Лязгнул доставаемый из ножен меч, сверкающий клинок отразил солнце. Ему ответили блеск тридцати других клинков и грозные вопли замковой стражи. Да только настоящего принца такой ерундой не напугаешь. Он бесстрашно бросился навстречу врагам.

– Ну, Ваше Высочество, – проговорил оруженосец ему

вслед, – вот Вам и возможность проявить себя. Битва, подвиги и всё такое.

Сам он уселся на каменные ступеньки лестницы, поближе к девичьим коленям, намереваясь от души насладиться предстоящим зрелищем. Поёрзал немного, устраиваясь поудобней.

– И что? – полюбопытствовала компаньонка принцессы.
– Так и будешь просто смотреть?

– Ну! – невозмутимо откликнулся оруженосец. – Мне-то подвиги не нужны. Я – не главный герой. И принцессы мне по барабану. Не мой тип. Других предпочитаю, – многозначительно добавил он и подмигнул девушке. – Да я вообще не хотел в эту авантюру ввязываться. Но, знаешь ли, должность такая. Не удалось отвертеться. А теперь вижу, что и к лучшему.

Он бы подмигнул и второй раз, но тут совсем близко раздался топот и злобный крик.

Похоже, кое-кто из стражников не стал дожидаться очереди, чтобы сразиться с принцем. Если устроить кучу-малу— так это получится не бой, а безобразие какое-то: своих же можно случайно задеть. А стоять в стороне и дожидаться – скучно. Тем более, если недалеко сидит вооруженный человек и ничем особо не занимается.

– Эй-эй-эй! – возмущенно завопил оруженосец навстречу бегущим к нему воинам. – Так не пойдёт! Я тут персонаж второго плана. Меня моё место очень даже устраивает. Нече-

го перетягивать на меня внимание.

Но, видимо, выступил он недостаточно вдохновенно и убедительно, так что через мгновение ему пришлось оторваться от ступеньки и обнажить меч.

– Да что ж вы такие непонятливые!

Вслед за ним поднялась и девушка, подскочила к лошадям, вытащила из притороченной к седлу оруженосца небольшой связки дротиков один. Для мужчины, может, и несерьёзно, а для неё – почти настоящее копье.

– Ну наконец-то! – с энтузиазмом воскликнула она. – А то я совсем притомилась по этим бесконечным лестницам карабкаться. И почему я не принцесса?»

«Да! Почему?» – просыпаясь, поинтересовалась Алика то ли у себя, то ли у какой-то высшей инстанции.

Вечный персонаж второго плана. Это и про неё тоже. Недаром же так чётко запомнились слова непутёвого оруженосца. И недаром принцесса во сне так и не появилась, а единственный представитель женского пола, то есть воплощение Аликиной подсознательной сущности – её компаньонка. Если обойтись без применения эвфемизмов, просто служанка.

Глава 3. В плену пространства

Алика и Милка всегда ходили в школу вместе. Веселее же.

Кто первый выходил из квартиры, звонил в соседнюю, и сразу становилось понятно: подруга уже на линии старта, дожидается тебя на лестничной площадке. И не требовалось непременно отпирать дверь. Как полностью соберёшься, так и откроешь. Никто не обидится, если придётся немного потоптаться на месте без дела. Зато не надо делать лишних телодвижений.

А вот Артур обычно уходил из дома раньше: ему до университета добираться около часа. Дорога во много раз длиннее, а занятия начинаются так же, как и в школе. Но сегодня он выскочил из квартиры даже позже сестры, одновременно с Аликой. Увидел её, бросил на ходу:

– Про ужин не забудь!

И резво поскакал вниз по лестнице, но Алика остановила его неожиданным вопросом:

– Ты приглашаешь меня в ресторан?

Артур застыл, обернулся с озадаченным выражением на лице, но сразу нашёлся:

– С рестораном до стипендии не получится. Подождёшь?

– Подожду, – решительно подтвердила Алика. – И не надейся, Артурик, что забуду. Запишу. Большими буквами на стене. Или лучше на асфальте. Под твоим окном.

Но Артур и тут не смутился, расцвёл улыбкой, слегка снисходительной.

– Алик, не шантажируй! А то разлюблю.

И заскакал дальше, бодренько и беззаботно. Надеялся, что оставит Алику в смятении, раздираемую вопросом: «Серьёзно он про любовь или шутит как всегда?». Но Алика-то давно постановила и утвердила для себя: шутит! Только Милка со всей своей наивностью и искренностью увидела нечто особенное.

– Между прочим, он недавно со своей очередной девушкой расстался.

– И что?

Милка тоже заскакала вниз по лестнице – у них с братом похоже получалось – чтобы не смотреть Алике в глаза.

– Ну круто бы было: мой брат с моей подругой.

Она улыбалась, скорее всего, но прятала от Алики и эту свою мечтательную улыбку.

– Глупости! – отрезала Алика. – Не смеши. И вообще я не собираюсь быть у него ещё одной очередной.

Милка остановилась, развернулась. Во взгляде ни насмешки, ни какой-то задней мысли, полные честность и открытость.

– Ты бы не стала очередной. Мне кажется, он с другими потому так быстро и расстаётся, что слишком много о тебе думает. Просто не решается. Ты же для нас почти как родная.

– Чушь какая!

Алика полагала, что подруга правильно поймёт: слова её относятся к первой половине Милкиной тирады. А последняя...

От последней стало теплее на душе и сердце как-то особенно стукнуло. Алика отвела глаза, посмотрела на выкрашенную в весёленький голубой стену подъезда.

– И хватит тут стоять. В школу опоздаем.

Домой девушки возвращались по отдельности. У Милкиного девятого отменили последнюю физкультуру, а у одиннадцатого Алики – полных шесть уроков и дополнительное занятие по математике. Поэтому Алика шла одна и думала о чём угодно, кроме дороги. Маршрут со всеми его особенностями прочно сидел в памяти, ссылка на него открывалась автоматически, стоило выйти из дверей школы: с крыльца налево, выходишь в ворота, потом направо, по дорожке между домов, мимо детской площадки, дальше – опять дворы, равноценные, и можно выбирать в зависимости от настроения, в какой из них сворачивать. Что в тот, что в другой – без разницы, в конце концов всё равно окажешься на бульваре, а уже по нему топаешь до дома.

Чаще всего Алика и Милка выбирали тот двор, который располагался правее. Он смотрелся гораздо симпатичней. Несколько качелей и ряд старых яблонь, которые в мае густо покрывались розовато-белой пеной цветения. Красота.

Левый – скучен и уныл, больше похож на заброшенный пустырь. Дома обращены в него задними фасадами, поэтому

из достопримечательностей тут вместо качелей трансформаторная будка, вместо яблонь – большущий круглый мусорный контейнер, напоминающий наружный вход в какое-то таинственное подземное сооружение. Возле него постоянно сваливали крупногабаритный хлам: то старую мебель, то отслужившую своё бытовую технику, то строительные отходы. Со стороны детской площадки неприглядный двор прикрыт углом соседнего дома, и чтобы попасть в него, нужно сделать несколько лишних шагов. Добавочный незачётный пункт.

Естественно, что прохожие предпочитали правый двор. Но сегодня Алику потянуло в левый. Совершенно непонятно почему, но вот понесло и всё. Алика даже не сразу осознала, что ноги повели себя непривычно, взяли влево, хотя стрелка на внутреннем навигаторе твёрдо указывала вправо. Очнулась от мыслей, упёршись взглядом в сломанный холодильник, раздражающий яркой белизной в обычном сумраке со всех сторон закрытого от солнца двора, удивилась. Но не поворачивать же назад.

Собственно, какая разница, где идти. Вряд ли Алику хватит эстетический удар от созерцания помойки. А дальше будут раскидистые ивы над неширокой выложенной плиткой тропинкой и металлическая беседка в чешуйках почти совсем облупившейся тёмно-зелёной краски. Всегда пустая в это время. Но сегодня всё складывалось не как обычно.

– Милка! – Алика сначала неподвижно замерла от изумления, а потом торопливо рванула с места. – Ты чего тут де-

лаешь?

Подружка вскинула голову, убрала руки от лица, и Алика мгновенно разглядела и припухшие веки, и покрасневшие глаза, и мокрый блеск на щеках.

– Милка, что с тобой? Тебя кто-то обидел? Милка!

Алика присела перед подругой, осторожно обхватила влажные от долгих слёз ладони и мгновенно почувствовала, как с силой впились ей в руки Милкины пальцы.

Наверное, точно так же цеплялся бы утопающий за призрачную соломинку спасения. Вот и Милка не до конца верила, что Алика не мираж, не галлюцинация, проверяла на материальность и надёжность. Потому что и взгляд её впился в Алику, одновременно с надеждой и недоверием: «Это действительно ты?».

– Да что с тобой произошло?

Милка беззвучно шевельнула губами и всхлипнула, а потом всё-таки сумела выговорить:

– Я не знаю. Я ничего не понимаю. Алика, что со мной?

Почему по дороге домой Милка свернула не в тот двор, через который они чаще всего проходили с Аликой, она тоже толком не могла объяснить. Вроде бы услышала, как кто-то позвал: «Сюда! Иди сюда!», но толком не смогла разобраться, прозвучали эти слова в реальности или только в её голове, в её воображении. Однако поддалась внушению, свернула налево, а после тысячу раз пожалела.

Когда Милка поравнялась с круглым контейнером, ей ста-

ло немного не по себе. Вроде бы без причины. Выброшенный холодильник вовсе не выглядел угрожающе, наоборот, будто намекал: «Чувствуй себя как дома. На родной кухне». Но Милка неуверенно остановилась.

Может, пойти назад? Если не нравится путь, стоит ли его продолжать? Дело же не в принципах, и не надо никому ничего доказывать.

Подумаешь, померещился какой-то голос! На самом деле – пусто здесь. В смысле, ничего особенного или непривычного. Холодильник – не в счёт. И никого.

Милка развернулась, прошла несколько метров, вступила в проход между углами двух соседствующих домов, но оказалась не перед детской площадкой, а вновь перед мусорным контейнером, большущим и круглым, похожим на наружный вход в какое-то таинственное подземное сооружение. И холодильник стоял рядом, старый, с вмятиной на боку, с обрывком электрического провода, очень напоминающим лысый крысиный хвост.

Милка, конечно, удивилась, засомневалась в себе. А точно она развернулась и ушла отсюда? Может, все эти действия ей тоже померещились?

Она предприняла вторую попытку покинуть неприятный двор, но опять оказалась перед мусорным контейнером. И на этот раз к её удивлению примешался страх.

Что происходит?

Больше Милка не стала возвращаться, ринулась вперёд,

по плиточной тропинке между выпускающих свежие листочки ив. Шла и шла, шла и шла, а тропинка всё не кончалась. За ивами белели кирпичные стены домов, слепо поблёскивали тёмные окна.

От быстрой ходьбы закололо в боку, и Милка остановилась перевести дыхание, огляделась по сторонам, и тут наконец-то поняла, отчего ей стало не по себе в этом ужасном дворе.

Тишина. Абсолютная тишина, которой никогда не бывает в городе. Ни шелеста ветра в древесных ветвях, ни пересвистов птиц, особенно шумных весной, и никаких звуков извне. Они же обязательно долетают! Даже в самый пустынный двор. Тарахтенье проезжающих по улицам автомобилей, далёкие голоса. Да мало ли что ещё! И никакого движения. Одна Милка суетиться, а всё остальное даже не шелохнётся: ни тонкая травинка, ни нежный листочек. Только густое марево дрожит над головой.

Обычно такое бывает в сильную жару, воздух будто плавится над раскалённым асфальтом. Но сегодня прохладно.

Или нет. Очень душно.

У Милки закружилась голова, в ушах зазвенело до боли.

Сможет ли она хоть когда-нибудь выбраться из этого странного места?

Милка стиснула ремень висящей на плече школьной сумки.

А если позвать на помощь?

Хотя, как объяснить, где она и почему не способна самостоятельно добраться до дома? Признаться, что заблудилась в знакомом дворе? Но разве он – знакомый? А если её надо искать, то где?

Всё-таки Милка достала телефон. Руки дрожали, и мобильник едва не выскальзывал из вспотевших пальцев. Милка жала на кнопки, но экран оставался безжизненно чёрным.

Придётся выбираться самой. И как можно быстрее. Долго здесь Милка не выдержит. У неё не только руки дрожат, но и всё внутри. Нервы натянулись и того гляди лопнут. К горлу подкатывает тошнота, а коленки бессильно подгибаются.

Лишь бы не упасть! Собраться с силами, справиться со страхом.

Милка качнулась вперёд. Несколько неуверенных шагов, и она побежала.

Не существует на свете бесконечных плиточных дорожек. Каждая когда-нибудь кончается, выводит хоть куда-нибудь. Всё равно, куда, лишь бы прочь с этого ужасного двора.

Мимо пролетают ивы. Сколько же их тут выросло? Целый ивовый лес посреди города. И стены домов тянутся, тянутся, тянутся. Или это не дома, а просто стены. С двух сторон. Длинный коридор в безвыходном лабиринте.

Сердце мечется в груди, колотит по рёбрам, в боку опять колет, но на этот раз Милка не собирается останавливаться. Она сдавливая бок ладонью, пытаюсь перебить одну боль другой. Мысли тоже беспорядочно мечутся.

А вдруг дело в тропинке? Почему Милка никак не может расстаться с ней? А если сойти? Сделать шаг в сторону и...

Милка прыгнула на траву, проскочила между двух ив и едва не налетела на решетчатую стенку беседки. Вскинула руки, чтобы действительно не врезаться, вцепилась в холодные металлические прутья. Потом на ватных ногах кое-как вползла внутрь, плюхнулась на дощатое сиденье.

«Всё! Больше не могу! Плевать! Будь, что будет!» Даже если больше не будет ничего! Даже если всю оставшуюся жизнь придётся провести в этой облезлой беседке, в этой пугающей реальности.

Слёзы сами хлынули из глаз, горло сдавило. Милка уткнулась лицом в ладони. «Больше не могу-у-у!»

В присутствии Алики отчаяние и страх немного отступили, отчасти вернулась способность трезво оценивать и анализировать, а ещё вспыхнула обида. Неизвестно на кого.

– Почему? Почему со мной вечно происходит что-то странное? Опять скажешь, что это просто нервы?

Алика уже поднялась с корточек, сидела рядом, касаясь Милкиного плеча своим.

– Нет, – произнесла она задумчиво. – Скорее всего, это манипуляции с пространством.

– Что? – Милка даже забыла на мгновение о своём ужасном приключении, удивлённо открыла рот.

– Расширение, сжатие, искривление, замыкание, – пояснила Алика. – Вплоть до полной изоляции.

– А? – только и смогла вымолвить подруга.

– Ну ты что, «Доктора Кто» не смотрела? – Алика почувствовала лёгкое раздражение. – Снаружи Тардис – маленькая полицейская будка, но на самом деле это огромный космический корабль. Внутри места много. Очень много.

– Так это в кино, – справедливо заметила Милка. – Разве на самом деле такое возможно?

– Ну а кто точно ответит, что возможно на самом деле? Раньше бы и мобильник за чудо посчитали. А теперь он – скучная повседневность.

Гримаса удивления так и не сходила с Милкиного лица.

– Откуда ты столько всего знаешь? – подруга то ли восхитилась, то ли высказала подозрения, в том числе и в Аликиной неадекватности, на что та лишь невозмутимо дёрнула плечами.

– Прочитала, наверное, где-то. Или в интернете попало. Народ что только не обсуждает. Даже то, в чём ни черта не разбирается.

– Ну да, – Милка согласно кивнула и вдруг изменилась в лице, схватила Алику за руку. – А теперь... значит, теперь тебе тоже не выбраться? Ты тоже тут застряла? – и торопливо добавила, чтобы снова не впасть в отчаяние: – Мы вдвоём.

Алика осмотрелась по сторонам. Страх она не чувствовала и почти не сомневалась, что в данный момент с пространством всё в порядке.

– Давай попробуем выйти. Вдруг сейчас получится, –

предложила она со всей возможной убедительностью. – Хотя мне совсем непонятно, что за смысл был в подобном волшебстве. Особенно здесь. – Алика вопросительно глянула на подругу: – Тебе ведь не попадалось ничего особенного?

Милка старательно замотала головой. Хотя в таком состоянии, в котором она обречённо носилась по заколдованному двору, трудно что-то заметить. Наверное, даже слона, прыгающего через верёвочку среди ив.

Алика поднялась с лавочки, потянула Милку за собой. Та не упиралась, но шла неуверенно, с опаской вступила на плиточную тропинку.

Метров через десять газон закончился, тропинку обрубил бетонный поребрик. Дальше начинался широкий асфальтовый тротуар, который вывел девушек к небольшому двухэтажному строению. В нём размещались паспортный стол и жилищное управление. Ничего необычного. Осталось обогнуть ещё один многоподъездный дом и выйти на бульвар.

Милка встревоженно оглянулась.

– Алика, а почему именно со мной такое случилось? Будто мне мало странных снов и мании преследования. Почему опять я?

Вот что Алика должна была ответить? Можно подумать, реальность запрашивает у неё разрешение на свои действия.

– Случайно, наверное.

Хотя существовало ещё одно предположение – по ошибке...

Глава 4. Нулевая кривизна

Если волшебники и существовали, то люди имели слабое представление о том, чем они занимались и на что были способны. Да и откуда им знать? Из книг, из кино? Или из статей в интернете, которые составляли на основе тех же книг и фильмов увлечённые «чайники»?

Вряд ли какой-нибудь настоящий колдун сидел бы за компьютером и выкладывал в сеть уроки практической магии, её истинные философию и учение.

По мнению большинства непосвящённых дилетантов, волшебники всю свою жизнь только и делали, что варили зелья из засушенных кореньев и паучьих лапок, выкрикивали загадочные заклинания, превращали своих обидчиков в жаб, производили из ничего дефицитные деликатесы и драгоценные камни да пускали друг в друга смертоносные энергетические шары. А ещё непременно таскали с собой всякие разновидности жезлов: от посохов, особенно удобных для тех, кто постарше и не так быстр на ногу, до волшебных палочек, которые легко спрятать за пазухой и в складках одежды. Правда, иногда, для разнообразия, пользовались кольцами, медальонами, чашами, специальным порошком, музыкальными инструментами и даже живыми существами.

Но ведь палочки и прочие чародейские атрибуты – это всего лишь усилители магической энергии, накопленной

внутри человека. Да и заклинание – только команда, которая быстро настраивает на правильное действие, задаёт нужное направление высвобождаемой силе. Иначе каждый, кто случайно стал бы обладателем колдовского инструмента или заучил несколько слов в правильном порядке, смог бы творить чудеса. А по-настоящему способные волшебники предпочитают работать молча, без лишних жестов, и уж тем более без вспомогательных предметов. Так сложнее, но эффективней и быстрее.

Откуда Алика обо всём этом знала? По большей части, догадывалась и предполагала. Кто бы ей рассказал? Но вот что оставалось совершенно неясным: какое отношение к волшебству имела Милка Гордеенко, самая обыкновенная девятиклассница из самой обыкновенной семьи? Отчего вдруг именно на её долю выпали все эти странные испытания? Повторяющиеся сны, которые кажутся явью, ощущение невидимого чужого присутствия, игры с пространством. Она-то тут причём?

Или, может (типичный сюжетный ход для книги или фильма), всё случившееся – преддверие очень важного события в Милкиной жизни: пробуждения у неё особенных способностей? Колдовских. Скоро подруга получит аттестат об общем образовании и может спокойно поступать в какой-нибудь Колледж Чародейства и Волшебства.

Алика подавила невольную улыбку. Как-то не вовремя она расчихикалась.

Торжественное мероприятие под названием «Последний звонок» в самом разгаре. Алика сидит среди нарядных одноклассников в белой блузочке, с двумя белыми бантами – первый раз за всю жизнь приделала! – и с красной ленточкой через плечо, на которой висит колокольчик и сияет золотом надпись «Выпускник».

На сцене школьного актового зала девчонка из параллельного одиннадцатого толкает проникновенную прощальную речь, едва сдерживая слёзы. А Алика, наверное, одна из всех присутствующих думает чёрт знает о чём и не разделяет общего сентиментального настроения.

Когда речь закончится, оба одиннадцатых полезут на сцену, чтобы читать стихи, петь песни, благодарить школу, педагогов и родителей. Алике тоже достался стишок, а ещё ей поручили, вместе с Димой, вручать букет учителю математики.

Тот сидит рядом с директрисой у края стола. С физруком они единственные представители мужского пола в педагогическом коллективе.

Математика зовут Максим Петрович. Симпатичное имя. И как человек он приятный. Один из самых лучших учителей. Объясняет классно, никогда не отказывает в помощи. Возможно, именно из-за него у Алики так хорошо идёт математика.

Максим Петрович ко всем относится уважительно, даже к самым тупым. Ну или по крайней мере ровно. Можно ска-

зять, его любят.

Поэтому, когда официальная часть закончилась, Дима подошёл именно к нему.

– Максим Петрович, мы хотим с вами сфотографироваться. Всем классом.

Математик не стал кокетничать, выяснять: «Почему именно со мной? А как же классный руководитель? Директор, в конце концов», а сдержанно улыбнулся и попросил:

– Только и для меня обязательно снимок напечатаешь.

– Не вопрос! – воскликнул Дима. – Принесу на консультацию.

Кто-то забрался на сцену, кто-то выстроился возле её края. Максима Петровича, конечно, поставили в середину. Одна Алика замешкалась, и математик сам её позвал.

– Алика, а ты? Иди сюда.

– Гаврилова! – возмутился Дима. – Ну, ты, как всегда.

Схватил Алику за руку, протолкнул между присевшими на корточки Ивановым и Липовым. Она оказалась возле Максима Петровича и загородила эффектно выпятившую бедро Настю Савушкину.

– Меня же теперь не видно! – завопила Савушкина.

– Подвинься, – посоветовал ей Дима и закричал остальным: – А теперь делаем радостные лица. Всё равно умные у большинства не получатся. Фотку выложу у себя на страничке. Кому надо – тяните.

Сфотографировались, начали разбегаться. Пока Алика

ещё находилась рядом, математик успел заговорить с ней:

– Ну вот, школа закончилась. Что собираешься делать дальше?

Алика пожала плечами:

– Не знаю точно. Ещё экзамены сдать надо.

Математик согласно кивнул, и тут в него вцепилась Савушкина, отгёрла от Алики.

– Максим Петрович, а давайте вдвоём сфотографируемся. Ну их, эти общие фотографии!

После одиннадцатых Последний звонок был у четвёртых классов. В честь окончания начальной школы. А уже потом – у девярых.

Алика не пошла поздравлять подругу, гуляла в это время с дорогими одноклассниками. И Дима тоже. Хотя и сунулся в актовй зал перед началом торжества, но увидел возле Милки её родителей и разумно ретировался.

Зачем раньше времени глаза мозолить?

Только Милку его осторожность не спасла, и вечером, когда суматошный праздник представлялся далёким воспоминанием, она жаловалась Алике:

– Ну ты представляешь! Везде ей влезть надо! Её-то какое дело? – Подруги сидели на лавочке недалеко от дома. – Подвалила к моей маме и давай ахать: «Очень за вашу девочку беспокоюсь. Первое романтическое увлечение – вещь, конечно, прекрасная, но как бы оно подготовке не помешало. Ведь у обоих сейчас экзамены. Вы уж обратите внимание

и поговорите с вашей дочкой».

Милка не просто цитировала классного руководителя, она ещё и рожи корчила, старалась заочно отомстить учительнице, изображая её как можно смешнее.

– И что твоя мама? – поинтересовалась Алика, хотя и так прекрасно понимала.

– А ты как думаешь? – надулась Милка. – Вместо того, чтобы поддержать родную дочь, начала мне выговаривать. Всякую ерунду там. Про будущее, про ответственность, про своевременность.

Милка ещё долго кипела, пускала пар и праведно негодовала. Алика, как лучшая подруга, обязана была поддакивать и сочувственно кивать. Но у неё не очень-то получалось. В какой-то момент она совсем перестала слушать Милку, углубившись в собственные мысли.

Время – категория призрачная, но никто не сомневается в его изменчивости. Вроде бы отмеряется точными единицами, но и эта точность иногда становится относительной. Взять хотя бы всем известный час. Он способен пролететь, как одно мгновение – даже не заметишь. Способен вместить в себя уйму всяких дел и всего лишь родить сожаление: «Опять времени не хватило. Ничего не успел сделать». А ещё он может длиться бесконечно, тянуться и тянуться, нехотя отщипывая минуты. Особенно когда ждёшь. А пространство – вот оно, перед тобой, как на ладони. Кажется, с ним-то уж ничего не сделаешь, так и останется в ста-

бильности единиц измерения, как их не назови. Километр так километр. Гектар так гектар.

Пространство можно разделить, например, воздвигнув стены. Можно и путь сделать длиннее, если проложить дорогу не прямо, а петлять, словно убегающий от лисы заяц. Но это всё искусственное. А с самим пространством ничего не сотворишь. Так очень многие думают, почти все. Но Алика уверена, что умелые волшебники и с подобным справятся.

Потому и непросто их встретить. Не из-за скрытного образа жизни или удачной мимикрии под обычного человека. А потому что они способны создать свой мир, отгородив для себя часть пространства, возможно, вывернув его или расположив в другой плоскости. Маленький мир или огромный. Вмещающий лишь один скромный домик или же целый город. В него не попадёшь просто так. Надо знать путь. Или надо, чтобы кто-то тебя провёл.

Необыкновенно, загадочно, сказочно. Но так и должно быть. Волшебство оно и есть волшебство, чтобы делать реальным самое невероятное.

Пока Алика думала о своём, подруга немного поостыла, утомилась мусолить одну и ту же тему. У неё действительно адекватные родители. Они и не думали страшить дочь домашним арестом и ограничивать жёсткими запретами. Просто взяли клятву, что на время та незначительно изменит приоритеты, на первое место выдвинет подготовку к экзаменам и не станет злоупотреблять свиданиями. А так как у по-

други с Димочкой и без того не получалось слишком часто встречаться – особой страстности между ними пока не возникло – всё осталось примерно на своих местах.

Милка выдохнула освобождённо и неожиданно резко переключилась на другую тему. Давнюю.

– Знаешь, Алика, а мне тот сон всё чаще снится. Ну тот. Что кто-то стоит рядом и разглядывает меня. Даже сегодня снилось. У меня «Последний звонок», а тут эта гадость. Вроде и не страшно совсем, но не по себе как-то.

Алика задумалась, посмотрела на землю под ногами, растёртую множеством подошв в мелкую серую пыль.

– И давно он стал тебе сниться, этот сон?

– Точно не помню, – озадачилась Милка. – Может, всё время снился, только я внимания не обращала. Но мне почему-то кажется, это после того началось, как я чуть под машину не попала. Помнишь?

Ещё бы Алика не помнила! Тот случай она в жизни не забудет. Столько всего тогда случилось за считанные минуты. И могло случиться ещё больше. Даже от одних мыслей об этом сердце начинает тревожно колотиться и мурашки бегут по спине.

Алика и Милка оказались на разных сторонах улицы. Шли навстречу, но даже не предполагали этого. Неожиданно увидели друг друга на противоположных сторонах тротуара, соединённых полосатым мостом пешеходного перехода. Напутствуемые зелёным сигналом светофора, между ними

проносились машины. А на девушек строго взирал стоящий столбом красный человечек.

Милка красноречиво взмахивала руками. Видимо, хотела показать, чтобы Алика тоже стояла на месте, а она сама к ней перейдёт. Но засомневалась, что подруга её правильно поняла, и, не дожидаясь, торопливо рванула на жёлтый. Даже по сторонам не посмотрела.

Да только не она одна торопилась. Большой чёрный внедорожник тоже не хотел ждать. Попытался проскочить, прежде чем ему загорится красный. Не затормозил, а, наоборот, прибавил скорость.

Милка его не замечала, а водитель внедорожника не подозревал, что кроме него существуют на свете люди, которые тоже выше ожидания. А вот все остальные, кто столпился у противоположных краёв «зебры», прекрасно видели и понимали, что сейчас произойдёт. И Алика тоже.

Кто-то сдавленно вскрикнул рядом. У Алики сердце ухнуло куда-то вниз, в район живота, а, может, и дальше. Нервы натянулись до тонкого звона. Зато разум работал столь быстро и чётко, что фиксировал сотые и тысячные доли мгновения, создавая эффект замедления происходящего.

Пусть это случится и не так быстро, но в любом случае две перпендикулярные прямые пересекутся в общей точке. И для одной из них эта точка станет последней. Элементарная евклидова геометрия. Нулевая кривизна пространства. Или...

Завизжали тормоза. Запоздало. И у перехода кто-то завизжал. Светофор на миг погас, будто зажмурился, но тут же дисциплинированно зажёл зеленый.

Милка отшатнулась назад, когда в нескольких сантиметрах перед ней пронеслось что-то большое и чёрное. А её, как ни странно, не задело даже потоком воздуха. Но это она только потом осознала. А в данный момент испугалась от неожиданности и удивилась.

Алика тоже отшатнулась. Или нет, приставка другая. Пошатнулась. Ноги внезапно ослабли и перестали держать, начали складываться в коленях. И Алика упала бы, если бы кто-то, стоящий позади, её не подхватил.

– Тебе плохо?

С другой стороны раздалось в поддержку.

– Господи! Да не удивительно. Я думала, у меня сердце остановится.

– Просто чудо, что всё обошлось, – добавил ещё кто-то.– Настоящее чудо.

Подбежала Милка.

– Алика, что с тобой?

– Подруги, что ли? – прозвучала догадка, а потом на Милку обрушился целый водопад возмущённых фраз: – А ты тоже хороша. Не терпится ей! И сама едва не угробилась, и всех нас чуть в могилу не свела. Осторожней надо дорогу переходить. Не маленькая уже. Не знаешь разве, что по сторонам надо смотреть? Да и этот урод на своём танке. Словно

правила не для них писаны.

Милка вертела головой, ошарашенно ловя летящие в неё сердитые реплики, и, кажется, так до конца и не понимала, что с ней могло случиться несколько минут назад. А Алика потихоньку пришла в себя, схватила подругу за руку.

– Пойдём! Пойдём отсюда!

– С тобой всё в порядке? – опять забеспокоилась Милка.

– Ага. Уже всё нормально, – заверила её Алика. – Это с перепугу.

Милка виновато забормотала:

– Я не думала. Не хотела никого пугать. Я не видела, что он едет. Там ведь уже красный включился. Да и обошлось же всё.

– Обошлось, – подтвердила Алика.

Неужели такое забудешь?

Милке и уточнять не стоило. Да она и сама задумалась.

– Хотя... Тут-то действительно из-за стресса могло быть. Просто странно получается. Почему-то не проходит со временем, а снится всё чаще. Так бывает разве?

Алика неуверенно пожала плечами. Она не психолог, в подобных вещах не очень разбирается. Зато спросила:

– Ты так и не поняла, кто это? Человек хоть?

– Вроде человек, – Милка напрягла память. – Говорит же по-человечески. Если бы кто-то знакомый был, я бы узнала. А как можно запомнить кого-то незнакомого из сна? Да и не уверена, что я его лицо вообще видела. Хочу прямо посмот-

реть, а он в сторону отходит.

– А что говорит, опять не запомнила?

Сны – удивительная вещь. Порой кажутся настолько реальными, что вызывают самые настоящие эмоции: заставляют мечтательно улыбаться, надеяться, рождают страх и отчаяние, а иногда – даже физическую боль. Но и действительность подчас становится похожа на сон. Особенно, если кто-то этого хочет.

– Немного запомнила, – призналась Милка, отчего Алика даже разволновалась слегка. – То просит чего-то вспомнить, то куда-то вернуться, то в чём-то признаться. И, знаешь, что самое странное... – Подруга выдержала театральную паузу, и Алика чуть не рассердилась на неё за это, – почему-то называет меня Александрой.

– Как?

– Александрой, – уверенно повторила Милка.

Глава 5. Безликий

Милкины родители на выходные собирались на дачу к друзьям. Те пригласили на празднование серебряной свадьбы, и отказать было невозможно. Хотя кто-нибудь из старших Гордеенко предпочёл бы остаться, чтобы следить за тем, как дочь добросовестно готовится к экзаменам, а не страдает от разлуки с любимым мальчиком и не бежит на свидания. А если взять Милку с собой, никакой подготовки тоже не получится. Поэтому пришлось брать не саму дочь, а её пламенные заверения (вплоть до «поклонись здоровьем родителей»), что оба дня она посвятит занятиям, а ночь – отдыху.

Ответственность за выполнение обещания частично возложили и на Артура. Но его внезапно ставшее отрешённым лицо вызвало у мамы Гордеенко нехорошие подозрения: наверняка ведь решал, как самому более эффективно воспользоваться отсутствием родителей. Поэтому вызвали человека, влияние которого на Милку являлось неоспоримым и самым могущественным. То есть – Алику.

– Вместе и готовиться сподручней, – с воодушевлением перечисляла радужные перспективы на субботу и воскресенье тётя Таня. – Если что, ты Милочке поможешь. У тебя уже есть опыт в сдаче экзаменов.

Между прочим, у Милки подобный опыт тоже уже появился. Она сдала математику, впереди ожидал русский

язык. А у Алики – наоборот. С русским она разделалась, а готовилась к математике.

Очень удобно вместе заниматься противоположными предметами. Но Милкина мама в частности не вдавалась.

– Может, ты, Алика, и переночуешь у нас? – выдала она под конец и мечтательно закатила глаза. – Пока была в вашем возрасте, никогда не упускала такую возможность. Ничто не сравнится с ночными девчачьими посиделками. – Тут она торпливо спустилась с ностальгических высот к приземлённой реальности. – Только уж очень не увлекайтесь. Сейчас вам отдыхать обязательно надо. Чтобы стресс не заработать. Все эти экзамены – такие нервы!

Тут Милка маму поддержала, да и Алика особо не упиралась. Очень удачно всё складывалось.

Заночевать у Милки, понаблюдать, что же всё-таки происходит во время её странных снов. Подруга жаловалась, что они ей теперь почти каждую ночь снятся. Утомительно.

– Твои ведь родители не станут возражать? – обеспокоенно уточнила тётя Таня, и Алика только независимо хмыкнула в ответ.

– А смысл им возражать? Я же в соседней квартире буду. В любой момент зайти можно.

– Да-да! – с чрезмерным энтузиазмом воскликнула Милкина мама.

– Тётя Тань, – с лёгким укором взглянула на неё Алика. – Совсем не обязательно просить их нас проверять. Особенно

ночью. Думаю, им и самим это в голову придёт. И не переживайте вы так. Всё хорошо будет. Вы же меня знаете.

Милкина мама улыбнулась немного смущённо.

– Девочки, я на вас полностью полагаюсь.

– Ну-у-у, ма-а-ам, – безнадёжно протянула Милка. – Может, нам ещё клятву на крови дать?

Гордеенко-старшие всё-таки уехали, подружки вздохнули с облегчением, а Артур резко засобирился.

– Девочки, – передразнил он маму, – я на вас тоже полагаюсь.

– Клятвопреступник, – сурово заключила Алика.

Артур обижено поджал губы, но тут же лукаво улыбнулся.

– Алик, ну ты пойми. Ночевать с тобой в одной квартире... – он многозначительно помолчал. – В общем, я лучше срою куда-нибудь. От греха подальше. Договорились?

– Ой, да катись! – разрешила ему сестра. – Нам без тебя ещё лучше.

– Люблю вас, девочки! – нежно проворковал Артур перед тем, как захлопнуть за собой дверь, и подмигнул Алике.

Она только снисходительно скривила губы. Артур в своём репертуаре. В том числе и с очередной «очередной». А Милка ещё что-то болтала о его тайных чувствах к Алике. Глупости!

Всю оставшуюся часть дня подружки провели вместе. Всё, как и обещали родителям: честно поготовились к экзаменам, понаблюдали в окошко, как на безмятежную голубизну неба

жадно набросились мрачные дождевые тучи. Такие злые, что поругались даже между собой, сшиблись, сыпанув молниями, громыхнули далёким громом и разревелись от души.

Вечерняя прогулка однозначно накрылась, но Милка немного поболтала с Димой по телефону, уединившись в комнате родителей. Алика в это время строгала на кухне салат. Растительная клетчатка, витаминчики, микроэлементы и всё такое. Как раз для организма в период стресса.

Ночь приближалась. И даже раньше и незаметней, чем обычно.

В начале лета ночь почти не пользуется насыщенно тёмными красками и приходит ненадолго. Но сегодня ей подыграла непогода. Добавила мрака, загустила тени, смазала чёткие очертания и яркие оттенки пеленой дождя. И всё же подружки собрались укладываться уже далеко за полночь.

– Устала я от этого сна, – раздражённо пожаловалась Милка. – Скоро засыпать совсем не захочется. Как он меня достал! Вот честно, всё больше верю, что это не просто сон. Что действительно кто-то приходит. Так же с ума можно свихнуться.

Алика задумалась.

– А давай, я останусь в твоей комнате, а ты сама у Артурика ляжешь. Или у родителей. И проверим, вдруг на другом месте он тебе сниться не будет.

– Думаешь, с моей комнатой что-то не так? – удивилась Милка.

– Да ничего я особо не думаю, – отмахнулась Алика. – Внезапно в голову пришло, и стало интересно проверить. Тем более, когда ещё такая возможность представится? Кроме нас с тобой никого дома нет.

Милка поморщилась и тревожно посмотрела на Алику.

– А ты не боишься? Вдруг и тебе то же самое приснится?

– Ты же говорила, это не страшно, – напомнила та, и Милка замялась.

– Ну да. Вроде и не страшно. Но всё равно же не по себе!

– Переживу как-нибудь! – храбро заявила Алика. – Да и потом, я как-то ничего не имею против острых ощущений. А сон – он всего лишь сон.

Кажется, Милка хотела возразить или добавить что-то ещё, но Алика её опередила.

– Сейчас я только домой сбегая. За пижамой. И... родителям доложу, что с нами всё в порядке. Если они не спят, конечно.

Дома царила абсолютная тишина. Алика и не сомневалась. К выбору пижамы она подошла особенно тщательно. Остановилась на широких трикотажных штанах с манжетами и футболке с глубоким капюшоном. А еще прихватила лёгкую трикотажную шапочку.

Немного странноватая экипировка для сна. Но ведь волосы у Милки – длинные и светлые, а у Алики – гораздо короче и темнее. Разница очевидная, но под шапкой и капюшоном практически незаметная.

Милка предпочла комнату родителей.

Артур не любит, когда к нему лезут без разрешения, и, если потом случайно узнает, непременно изведёт возмущёнными возгласами и жалобами.

Алика не стала укладываться в кровать, выдвинула в центр комнаты большое кресло, забралась на него с ногами, не забыв прихватить электронную читалку. С ней можно обойтись и без света. Не слишком полезно для зрения – да и ладно.

Если это действительно не сон...

Хотя зачем загадывать раньше времени?

Алика сама не заметила, как заснула. Читалка выскользнула из пальцев, съехала с колен в кресло. Голова безвольно наклонилась вперёд, так что лица совершенно не разглядишь, а капюшон надёжно скрывал волосы. Всё-таки в шапочке оказалось жарковато.

Разбудил Алику голос. Совсем не страшный, вкрадчивый, осторожный и, можно сказать, приятный. Он аккуратно проникал в сон, сливался с ним, не будя окончательно, подводя лишь к грани реальности. Потому и невозможно точно разобрать, спишь ты ещё и уже бодрствуешь.

Алика сделала усилие, проснулась окончательно, но не торопилась поднять голову, присматривалась. Пусть обзор ограниченный, но кое-что можно увидеть.

Вот именно – кое-что!

Нижнюю часть весьма туманного силуэта. Край длинной,

в пол, юбки. Или накидки. Или плаща. У юбки шансов меньше всего, потому что голос больше похож на мужской, да и для придания таинственности больше подходят накидки и плащи.

Не вовремя озадачившись бестолковыми размышлениями об одежде, Алика отвлеклась от обращённых к ней фраз и почти не воспринимала их смысла. Но Милка ведь ей уже несколько раз рассказывала, о чём примерно идёт речь. Поэтому слова тут не главное, гораздо важнее понять – кто этот навязчивый визитёр?

Предположим, что это астральный фантом, приспособленный для переноса в пространстве части сознания. Искусственный аналог души. Да еще и ускользающий от прямого взгляда. Но, по крайней мере одну, самую неинтересную и мало что объясняющую часть, Алика всё-таки рассмотрела – подол. Теперь можно и послушать.

– Не бойся, Александра! – в который раз зазвучал вкрадчивый голос.

Услышав имя, Алика резко вскинула голову.

Фантом не успел метнуться в сторону. Да, похоже, больше и не собирался. По нему всё равно не определить, кто он.

Обладатель перемещённого сознания находится где-то далеко и в данный момент, скорее всего, в трансе. А временная оболочка не наделена индивидуальными признаками, черты лица лишь обозначены контрастными пятнами: глаза, рот, ноздри. Напоминает Безликого Бога Каонаси из «Унесён-

ные призраками» любимого Милкиного Миядзаки. Причём, весьма озадаченного.

От резкого движения капюшон свалился, открыв для обозрения тёмную, довольно коротко постриженную Аликину шевелюру. И физиономию: любуйся – не хочу.

– Ты кто? – спросил «безликий», и в этот момент его голос показался особенно реальным. И весьма эмоционально окрашенным. И глаза, больше похожие на глубокие тёмные провалы, живо блеснули.

– А кого тебе надо? – нахально поинтересовалась Алика. Фантом надвинулся, нагнулся, раздул ноздри, словно принюхивался.

Ещё чуть-чуть и коснётся своим невесомым нарядом. И тогда – почему-то так представляется – призрачность поглотит Алику, впитает в себя, растворит.

Жутко!

Алика неосознанно вжалась в кресло, и выражение её лица, похоже, потеряло былую самоуверенность.

– Так значит, ты, – чуть слышно выдохнул «безликий».

– Что я? – по-прежнему пыталась храбриться Алика.

– Та, – проговорил фантом, и внезапно из складок тёмного плаща высунулась бледная рука, ткнула указательным пальцем Алике прямо в лоб, – кого я ищу.

Алика резко откинула голову назад, хотя прикосновения почти не почувствовала. Что-то мимолётное и лёгкое, как дуновение ветерка. Но не хватало ещё, чтобы кто попало ты-

кал в неё пальцем, и Алика сердито нахмурилась. По крайней мере, постаралась сердито нахмуриться.

– Отвали!

– Как прикажете, – отозвался «безликий», внезапно перейдя на «вы», вроде бы даже поклонился и послушно растворился в воздухе.

И что это было?

Какое-то время Алика ещё сидела в кресле. Анализировала. Но мозг работал нечётко – спать хотелось. Поэтому Алика кое-как перебралась на кровать и натянула на себя одеяло.

Сначала она думала, что долго не заснёт после случившегося, но, видимо, только в обычных условиях ей не спится, а тут очень хорошо вырубило, даже не заметила, как.

Второй сон Алики

«Окон в комнате не было, только одна дверь. На вид очень прочная, но небольшая по размеру. Высокому человеку, чтобы попасть внутрь, пришлось бы наклонить голову, а пузатому толстяку – слегка расплющиться.

Свет давали массивные бра на стенах. Обычные – электрические, хотя и выполненные в виде факелов.

Комната не отличалась богатым убранством, интерьер – весьма лаконичный: диван да четыре кресла вокруг маленького столика, на котором уместились бы только пепельница да поднос с кофейными парами по количеству сидячих мест.

Для чего предназначалось помещение? Скорее всего, для каких-то тайных разговоров, которые никто бы не смог под-

слушать, а уж тем более – взглянуть на присутствующих. Если ты проник сюда без ведома хозяев, то вряд ли сможешь остаться незамеченным, чтобы разузнать о чужих секретах.

Но в данный момент комната, видимо, служила убежищем, в котором прятались двое: восьмилетняя девочка и женщина, которая вполне могла быть ей как мамой, так и бабушкой.

И всё-таки родственных связей между ними не имелось, уж слишком разные внешне. У женщины лицо широкое, округлое, и черты лица довольно крупные, простоватые. А у девочки всё аккуратненькое и остренькое: подбородок, носик, скулы. Брови тонкими стрелочками взлетают вверх.

Воспитанница и няня, хозяйская дочка и добрая служанка – вот это более подходящий расклад.

Девочка доверчиво прижималась к боку женщины, ища защиты и уверенности в её ласковых объятиях, и напряжённо прислушивалась к доносившимся извне звукам.

Снаружи что-то сильно гремело, будто там бушевала гроза, а раскаты грома и удары молний были настолько сильны, что нещадно сотрясали массивные каменные стены. Их дрожь ощущалась даже в находящейся в самой глубине замка секретной комнате.

Нет. Таких гроз не бывает. Снаружи творилось что-то гораздо более ужасное, заставившее этих двоих прятаться, а всех прочих держать оборону. Любой ценой.

Женщина тоже прислушивалась, и на лице её отражался

бесконечный ряд испытываемых эмоций: то надежда на лучшее, то отчаяние, то сердитое недовольство, то грустное смирение. Одной рукой она крепко прижимала девочку к себе, а другой нежно гладила по тёмным волосам, ни на секунду не переставая бормотать себе под нос:

– Всё образуется, деточка. Вот увидишь. Бывало подобное и раньше, и ничего. И замок до сих пор стоит, и семья твоя в нём живёт. Хоть и нет вам никакого покоя. Вот уж оказали роду честь, так оказали. Назначили хранителями. Переложили на одну семью всеобщие проблемы. А сами теперь и в ус не дуют. Хорошо, если подмогу пришлют. Так ведь всё больше с опозданием. Но... присылают же. Так что всё образуется. Отобьются твои, как и раньше. И заживём опять спокойно. Ох, только надолго ли? Да и хозяин что-то начудил в этот раз. Нашёл, где надёжно спрятать семью! Загнал своих же в ловушку. Уж лучше бы отправил тебя с мамочкой куда-нибудь. Подальше отсюда. Подальше от всех этих надутых выродков, которые считают, что самое главное в жизни – власть да могущество.

Фраза за фразой плавно выплёскивались в пространство комнаты, словно волны мерно накатывали на берег, укачивая, убаюкивая девочку. Время от времени глаза её безвольно закрывались, но наружный грохот и дрожь стен опять и опять безжалостно возвращали в реальность.

– Только ж хозяин не доверяет никому, кроме себя. Да тут он прав, конечно. Стоит речи зайти власти да о тайном зна-

нии, как все облик человеческий теряют: врут, подличают, предают. Даже на убийство готовы. А ради чего? Ради собственного раздутого самомнения. Не слишком ли великая за воздушный шарик цена – людская жизнь? Но ты не бойся, деточка. Тебя в обиду не дадут. Уж сколько их на пороге замка споткнулось да носы поразбивало. А ведь всё неймётся! И...

Громкий стук прервал, казалось бы, бесконечный монолог. И женщина, и девочка разом вздрогнули от неожиданности.

– Откройте! Это я – Макс! – приглушённо донеслось из-за двери.

Женщина вздохнула облегчённо, неуверенно улыбнулась девочке:

– Вот и отец твой пришёл.

Потом поднялась с дивана, подошла к двери и повернула ключ в замке.

Дверь распахнулась, впуская в комнату мужчину.

– Папа! – девочка тоже вскочила с дивана, бросилась навстречу отцу, тот поймал её в свои объятия. Даже подхватил на руки, хотя она уже казалось великоватой для этого.

– Нам надо идти, Александра. Пока есть возможность. Нечего тебе здесь делать.

– Уж это точно, – поддакнула женщина. – А то сидим, как в мышеловке. Уходите, Макс, уходите отсюда!

Не спуская дочери с рук, мужчина проскочил дверной

проём, чуть пригнувшись на всякий случай, но попал не в коридор, а в другую комнату, бóльшую, но заставленную разнообразной мебелью, начиная от огромных книжных шкафов, заканчивая маленькими скамеечками для ног.

– И куда вы? – раздался звонкий детский голос.

Мужчина остановился, всё-таки поставил дочку на пол, но тут же крепко взял её за руку. Потом строго посмотрел на подскочившего к нему мальчика, темноволосого и темноглазого, который был ненамного старше его дочери.

– Тебе лучше не знать, – произнёс он довольно жёстко и резко.

Мальчишка обиженно сдвинул брови и поджал губы, но возразить не решился.

– Идём скорее, Александра! – опять обратился мужчина к девочке, и уже на ходу тихо проговорил в никуда: – Чем меньше знаешь, тем дольше проживёшь.

Отец и дочь почти бежали по длинному переходу замка, как вдруг до них долетел тревожный зов:

– Алика!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.